

Глава первая «Страну тверскую проезжая...»

Рано утром мы выехали в Торжок.

Беседа в пути не получилась, так как мой Режиссер задремал сразу же после выезда из Москвы. Удивительно, но он каким-то образом пробуждался лишь тогда, когда мы проезжали мимо какой-нибудь церквушки, словно зная заранее, где они расположены. Тогда мой друг трижды крестился. Делал он это не спеша, не размашисто и на последнем движении его рука задерживалась возле сердца. Я же всю дорогу старался собраться с мыслями о Пушкине...

Сколько же в нашей жизни всего пушкинского?! – задавался я вопросом. – Вот памятники ему, которые сотворены так, чтобы поэт мог наблюдать за нами с легким укором и некоторой отстраненностью; вот бюсты, расставленные по фойе театров, библиотекам, школам и музеям; вот бесчисленные портреты-штампы и просто силуэты с вытянутым лицом и кудрями, в которых сразу же угадывается Александр Сергеевич; вот центральные улицы и площади городов, названные в честь поэта, и даже город его имени; а еще: станции метро, заповедные места, музеи, парки, Дома культуры, наверняка, есть теплоход... А сколько мемориальных табличек на домах, где он бывал, сколько туристических маршрутов по пушкинским местам?! А уж про мероприятия разные и говорить нечего... Вот и день рождения Александра Сергеевича объявлен официальным государственным праздником и выходным днем, все равно как Восьмое марта. А сколько разных драматических спектаклей, опер и балетов? Не счастье. Всё уже, кажется, сыграно, всё спето, но нет... Вновь и вновь обращаются к Пушкину, открывают что-то новое, доселе неведомое. А книги, исследования,

монографии?! Над всем этим работают пушкинисты, пушкиноведы, исследователи жизни и творчества и всякий раз что-то находят. Теперь вот еще и «непушкинисты» понадобились: «свежий взгляд». Говорят, что тема неисчерпаемая. Только вот беда: о Пушкине сказать что-либо рискованнее, чем о Самом Господе Боге, где очевидное невежество можно выдать за «святую простоту» или даже за «веру», в то время как по отношению к Пушкину всякая простота – лишь очевидная глупость...

Но памятники, бюсты, книги – это, как говорится, по-крупному. Есть ведь еще мелочь разная – брелоки, значки, календари, блокноты, шкатулки с изображением поэта... Я в одном из городов видел троллейбус с изображением Александра Сергеевича на фоне номера телефона какой-то туристической фирмы. Пушкин окружает нас повсюду. Но не только внешне. В каждом из нас тоже, так или иначе, присутствует Александр Сергеевич. В одном – так, в другом – эдак, в

ком-то меньше, в ком-то больше. И хотя грозят пушкинисты, дескать, нельзя с ним «совершать прогулки», да еще «на дружеской ноге», но кто же слушает пушкинистов, когда сам поэт ясно дал понять, что будет еще до-о-о-лго любезен народу, и не только русскому. Вот он и любезен! А уж тут с поэтом у каждого свои личные взаимоотношения. У академика одни, у шофера с брелоком – другие. И кто из них больше любит Пушкина – неизвестно. Пушкин-то писал для всех...

– А этот Дантес, каков мерзавец! – вдруг вспылал я ненавистью к французу, нажал на газ и едва не создал аварийную ситуацию, так что Режиссер в испуге проснулся:

– Что это с вами? – спросил он.

– Да вот, – говорю, – приехал, застрелил и уехал.

– Кто?

– Дантес... Одного француза прогнали вместе с армией, так они нам другого заслали, втихаря.

– Да Господь с вами! Вы лучше за дорогой следите! И не о Дантесе думайте, а о Пушкине, – отругал меня Режиссер, а сам через некоторое время опять задремал.

...Но я и так думаю о Пушкине... Один мой знакомый литератор всегда страшно ругал власти, буквально матом крыл. Особенно, когда выпивал. Бывал в такие минуты сердитый, страшно смотреть. Но как только произносилось: «Пушкин», так его физиономия сразу же добрела, в глазах появлялась детская улыбка, а руки сами собой тянулись под стол, где мой приятель всегда хранил заветную бутылку. Почему?..

Или, помню, в перерыве футбольного матча на первенство района в раздевалке тренер укорял одного из подопечных, мол, из выгодного положения промазал. А тот в ответ: «Я тебе что – Пушкин?!» Казалось бы: где футбол и где Пушкин! Но нет, тренер сразу сник, замолчал. Действительно, только *наш* человек может так ответить и только *наш* человек способен этот ответ понять. Ведь

никому не придет в голову назвать другое имя, пусть самое значительное, даже Петра Первого не упомянут в таком случае...

Правда, бывает, что появляется какая-нибудь заметка или большая статья, где доказывается, что Пушкин вовсе не такой уж великий, что бывали у нас в России поэты посильнее, просто не до конца народом и критиками оцененные. Не стану спорить. Может, бывали и посильнее, и писали лучше. Но, видимо, не совсем о том писали. Как написано – конечно, важно. Еще важнее – о чём! Иной поэт так слова зарифмует, что потом все восхищаются, особенно пишущая братия. Так это «пишущая братия». А остальные? Пушкин же просто писал:

*Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих Ты знаешь –
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, –
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга...*

И всё! Больше ничего не надо, чтобы привязать к себе. Или вот небольшой отрывок из его письма к своей Наталье:

«Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит в упряжи и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст

десять по кочкам да оврагам – и тут уж ничем ее не проймешь, пока не устанет сама».

Казалось бы, о чем речь! Чего уж тут особенного? Всего-то про кобылку... Но нет! Нам эта далекая и неизвестная кобылка почему-то дорога. Это как будто про нас Александр Сергеевич, про Россию, про нашу суть, про наш характер. Мы вот так же, чуть что – закусим удила и, пока не споткнемся, не успокоимся. А едва успокоимся – давай опять скакать. И потом, согласитесь, как-то хорошо на душе становится, когда читаешь не про дрянь какую-то, а про такую вот кобылку, безмятежно скачущую по нашим кочкам да оврагам...

А вот иностранцы понимают Пушкина не до конца. Они могут любоваться им, даже восторгаться, но... Так же они любят и природой нашей: восхищаются, ахают, выйдя с фотоаппаратом на какой-нибудь волжский утес, где вверху синее небо, внизу река, на горизонте лес, чуть в стороне – ветхая церковь. Но мы-то не столько любим природой нашей с рекою, лесом и небом, сколько знаем,

что находится там, за горизонтом, за этим лесом, какая там печаль, тоска, какая жизнь и какой быт, точнее – безбытность. Мы чувствуем за этими бесконечными синими далями судьбы людей, нищую, измученную и неменяемую страну, видим безутешный хоровод, слышим нескончаемую печальную песню, от которой даже у самых стойких наворачиваются слезы. Так, читая Пушкина, мы знаем, что за восторгом от встречи с безупречным стихом – известная лишь нам, русским, печаль и грусть, а если радость – то странная, понятная только нам...

Тем временем мы свернули с трассы налево и подъехали к санаторию «Митино», в котором нас разместят на время праздника.

Как указывается в путеводителе, Митино – бывшая усадьба помещиков Львовых. До начала 30-х годов XIX века рядом с Митиным проходила дорога из Петербурга в Москву, и каждый путешествующий мог любоваться быстрой и порожистой в этих местах Тверцой, густым сосновым лесом, а также самой усадьбой, благоустроенной по проекту выдающегося архитектора Н.А.Львова. В Митине часто собирались видные музыканты, поэты, художники, издатели журналов, поэтому в литературных кругах Митино называли «Тверским Парнасом».

Сохранилась старинная фотография: на ступенях дома Львовых группа людей, и в их числе Анна Петровна Керн. Она сидит, развернувшись к нам левым бочком, задумчиво поднесла руку к лицу, у нее открывающая лицо прическа, одета Анна Петровна в белую кофту и длинную широкую черную юбку, из-под которой выглядывает самый кончик кернской ножки, обутой в черную туфельку.

«...Разве у хорошеньких женщин должен быть характер? Главная вещь – глаза, зубы, руки и ноги...» – писал ей Александр Сергеевич в одном из писем. Вот, оказывается, как раз эту ножку имел в виду.

В двух минутах езды от Митина, на этом же берегу Тверцы в деревне Прутня, у старинной церкви Анна Петровна Керн была в

1879 году похоронена. На ее могиле скромная плита с легендарным пушкинским посвящением:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

На другом берегу Тверцы, напротив санатория «Митино», находится деревня Василёво, также некогда принадлежавшая Львовым. Видны какие-то старинные постройки: как оказалось, там расположен Музей деревянного зодчества. Именно в Василёве пройдет фольклорный праздник «Троицкие гуляния».

Конечно же, через Митино, минуя все эти усадьбы, много раз проезжал и сам Александр Сергеевич Пушкин. Так что места здесь и впрямь пушкинские.

Мы с Режиссером поселились в санатории, и я сразу же помчался в Торжок, в городскую администрацию, где мы условились встретиться с заместителем главы Борисом Николаевичем Добродумовым, а также с Татьяной Ивановной Рыбкиной, заведующей отделом культуры.

Не буду скрывать: я не люблю никакое начальство, особенно *околокультурное*. Мне сразу же вспоминаются возвращенные комсомолом здоровенные наодеколоненные тетки из отделов культуры, с каменными лицами, ярко на помаженными губами и эдакой мелкой-мелкой походкой: цок-цок, цок-цок... А торжокское «культурное» начальство совсем другое. Вовсе не «здоровенное», а Татьяна Ивановна просто миниатюрная.

– Нам, – говорит она тоненьким голоском, – в этом году повезло, наконец-то к нам повернулись лицом и выделили деньги на проведение пушкинского праздника.

– Сколько? – спрашиваю, радуясь за отечественную культуру, к которой, наконец, повернулись.

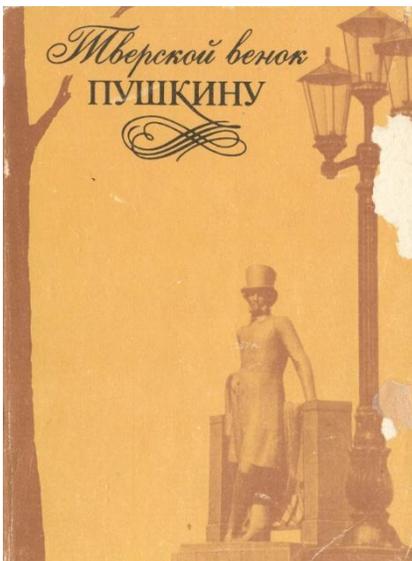
– Два с половиной миллиона рублей! – отвечает гордо Татьяна Ивановна. – Так что мы смогли пригласить нескольких тверских поэтов и даже одного молодого писателя из Москвы.¹

Свою финансовую беспомощность Татьяна Ивановна компенсирует невероятно бурной деятельностью и энергией, которая обычно отличает миниатюрных женщин. И ей, и Борису Николаевичу все же удается многое сделать. Это знают и чувствуют все, кто так или иначе связан с культурой древнего города, и потому в этой среде торжокское «культурное начальство» совсем не чужое. Надо сказать, что и среда эта в Торжке достаточно серьезная и даже влиятельная...

¹ Для этого и будущих сравнений сообщим, что в начале июня 1997 года один доллар США стоил по официальному курсу 5.777 рублей.

Почему-то существует представление, будто российская интеллигенция, определяемая нередко эпитетами «демократическая» или «патриотическая», находится непременно в Москве или, по крайней мере, в Санкт-Петербурге. А между тем в российской провинции, а вся Россия – провинция, живут и трудятся сотни тысяч учителей, врачей, библиотекарей, музейных работников... Они несут свой крест без шума и претензий на то, что их труд будет замечен, одобрен свыше или увенчан какой-нибудь наградой, и даже не задумываются – интеллигенция ли они? Просто выполняют свой профессиональный и гражданский долг, понимая, что в их руках находятся столь мало ценимые в России (но часто упоминаемые всуе) духовные ценности народа: его физическое и нравственное здоровье,

история и культура.

В тысячелетнем Торжке, как мы уже отметили, это серьезная и даже влиятельная «среда». Назовем лишь некоторые имена: учителя средних школ – Людмила Васильевна Шикалис, Любовь Юрьевна Татаренко и Марина Магомедовна Зеленова; Раиса Николаевна Мальханова – инициатор восстановления церкви Иоанна Богослова; Евгений Мушкин – организатор всех работ по восстановлению церкви в селе Дальняя Троица; Вера Станиславовна Бобэк – врач и самый знаменитый в городе акушер; Михаил Иванович Костин – инициатор создания спортивных обществ; Ирина Владимировна Чичкина – заведующая отделом Музея истории и этнографии; Алексей Валентинович Горохов – художник, руководитель детской студии; Ольга Александровна Митина – директор Центральной библиотеки; Владимир Ильич Деревягин – хормейстер ансамбля песни и танца «Ленок»; Николай Николаевич Савинов – директор школы олимпийского резерва «Самбист»; Таисия Владимировна Горох – директор Музея

А.С.Пушкина; Марина Владимировна Пугаева – художник, мастер золотного шитья; Ирина Борисовна Воронина – главный художник золотошвейной фабрики; Валентина Ивановна Лепехина – методист бюро путешествий и экскурсий, один из создателей «Пушкинского маршрута»; корреспондент газеты «Новоторжский вестник» Владимир Сергеевич Вишняков; Галина Вениаминовна Колюшева – руководитель ансамбля «Экспромт»; Лев Алексеевич Смирнов – директор политехнического колледжа; известные торжокские поэты Василий Миронов, Наталья Смехачева, братья Михаил и Василий Рысенковы... Неформальным лидером этой среды, особенно когда речь заходит о Пушкине, является Валентина Федоровна Кашкова.

Родилась Валентина Федоровна в 1933 году. Ее послужной список короток: закончила Тверской педагогический институт (сейчас это университет), историко-филологический факультет, и вот уже в течение сорока лет (!) преподает в Торжокском педагогическом училище русский язык и русскую литературу XIX века, а также риторику и свой авторский предмет – *«Твоя родина – Россия!»*.

Зато сколь велик её вклад в русскую культуру и просвещение! Доказательство простое: пожалуй, не найдется в Тверской области такого села, городка или поселка, где бы в школах местных не работали ученики Валентины Федоровны. Все они с теплом и благодарностью вспоминают свою учительницу, а время, проведенное с нею на уроках и лекциях, как самое полезное и плодотворное.

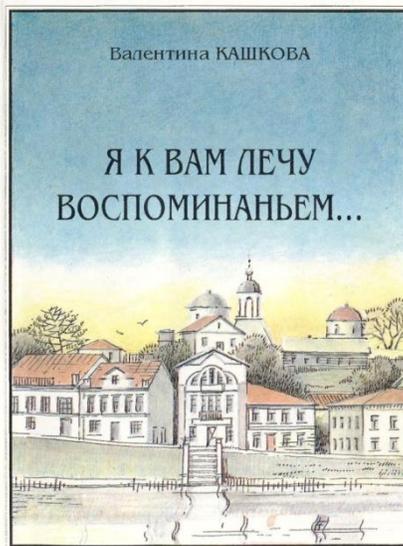
Действительно, у Валентины Федоровны есть чему поучиться. Она автор нескольких книг и путеводителей по истории и культуре

тверского края, сотен краеведческих и литературоведческих статей, участник многих научных симпозиумов и конференций. Но ее самая большая страсть – Александр Сергеевич Пушкин. «Я не пушкинист и не пушкиновед, – как-то призналась Валентина Федоровна. – Я просто его люблю».

На протяжении сорока лет Кашкова собирает, обобщает и делится с людьми материалами, свидетельствующими о ранее неведомом Пушкине: не о столичном, а о провинциальном, «тверском Пушкине». Без малого тридцать лет в Торжке проходят пушкинские праздники, на которые съезжаются поэты, прозаики, музыканты, просто любители поэзии со всего тверского края и из многих городов России. В эти дни город живет Пушкиным, как будто не было многолетней разлуки с ним. И все это могло состояться благодаря стараниям нашей провинциальной интеллигенции.

Как живет сегодня Валентина Федоровна?

Живет одна, в небольшой смежной кооперативной двухкомнатной «хрущевке», которую – счастливый случай! – купила еще в 1964 году. В квартире чисто и уютно. Из окон видна Тверца, на противоположном берегу – старинная церковь. Главная ценность – книги и фотографии близких. Валентина Федоровна уже на пенсии, но продолжает работать. Пенсия – 324 тысячи рублей в месяц, и, конечно, на эти деньги не проживешь: надо на что-то лечиться и хоть изредка покупать книги. Еще хотелось бы посмотреть мир или, если не мир, хотя бы еще раз увидеть дорогие сердцу пушкинские места... Но об этом российский учитель-пенсионер, даже такой именитый и столь заслуженный, может только мечтать. Есть у Валентины

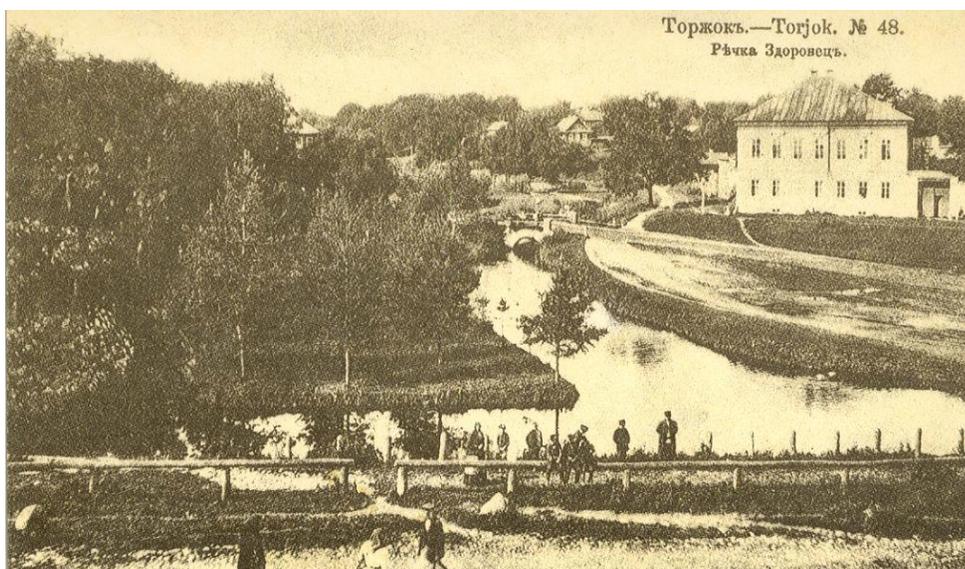
Федоровны и еще одно пристрастие. Оказывается, она – поэт! Вот ее стихотворение о родном городе:

*Сбегают улочки к реке,
Торопятся с горы скатиться
В уездном городе Торжке –
Моей столице...
Здесь стариною дышит вал,
В забвеньи дремлет городище,
Между веками интервал
Глаз суетливый не отыщет...
– Постой, прохожий! Не спеши,
Ты посмотри, какие дали –
Ведь это праздник для души,
И лучше ты найдешь едва ли!
Сверкают в небе голубом,
Парят танцующие птицы...
Над вечным памяти костром
Пух тополиный чуть дымится
И тает где-то за рекой
В тревожных отблесках зарницы,
А эхо пушкинской строкой
К нам успеваешь возвратиться...*

К Валентине Федоровне я и направился, чтобы хоть как-то просветиться в отношении пушкинских дней поэзии в Торжке. Но пока я к ней добираюсь, кое о чем хотелось бы поразмышлять...

Судя по всему, однажды что-то произошло здесь такое, после чего Торжок стал считаться пушкинским городом. Вот уже почти три десятилетия отмечается, как общегородской, Пушкинский праздник поэзии. Было проведено множество научных конференций и бесчисленное количество литературных встреч; вышло несколько книг, в которых рассказывается о пребывании Александра Сергеевича в Торжке и его окрестностях; есть специальные путеводители по

местам, так или иначе связанным с поэтом; есть в Торжке пушкинский музей в доме Львовых-Балавенских на улице Дзержинского; есть и бюст А.С.Пушкина на одноименной площади и многое другое, к чему жители этого города уже привыкли. Словом, Пушкин здесь – свой, и потому у него в Торжке много поклонников, самых что ни на есть серьезных и вдумчивых. Впечатление такое, что сказанное о Пушкине здесь не пропадает, а каким-то образом задерживается, сохраняется в памяти.

Вообще, интересно: каким образом проникает в сознание или, что важнее, в сердца жителей вот такого провинциального городка невесть откуда появившаяся творческая личность? А проникнув, как там закрепляется, почему не умирает вместе с уходящими поколениями, но переносится в сердца все новых и новых людей, живет уже с ними, потом покидает и их, переносится дальше, к потомкам, затем еще дальше, становясь бессмертной?

«Четверг. Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера, в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как

черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и – неслыханная вещь! – их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился до Москвы...» (Из письма Н.Н.Пушкиной, 22 сентября 1832 г.)

Представим дело с одной стороны. Вот едет некто, поэт или писатель, пусть даже гений, и видит какое-то селение. Не то город, не то село. Надо остановиться, переменить лошадей или, случается, надо их подковать, а пока их меняют или подковывают – можно немного отдохнуть, пройтись пешком, чтобы размяться, или лучше зайти в лавку, купить что-нибудь на память... а там уже надо ехать дальше. Ну поговорит при этом с кем-нибудь из местных жителей, спросит о чем-то, полюбопытствует – и все. А представьте: дождь, ветер, известная нам слякоть, так и выходить из кибитки не хочется. Просто выглянет в окошко наш путник, покачает головой и обратно спрячется, уйдет в свои размышления. Это командированные краеведы могут месяцами не вылезать из какого-нибудь провинциального городка, да ревизоры неделями в местных конторах сидеть. А ищущей натуре, тем более гению, сидеть на одном месте некогда.

Теперь посмотрим, как это выглядит с другой стороны?

Живут себе люди в тихом и забытом Богом селении, у каждого свои заботы, тревоги, беды и радости. Все трудятся, ходят на базар, в магазины, иногда устраивают праздники... Идут по мостовой, о чем-то думают, между собой о чем-то разговаривают и видят, как на противоположной стороне улицы остановилась

кибитка. Из нее, не спеша, вылез какой-то господин, судя по одежде – из большого города, может, из самой столицы. Вот он потянулся, огляделся по сторонам, несколько раз зевнул и... залез обратно в кибитку. Через какое-то время эта кибитка вместе с господином исчезла. Прохожие, проводив ее взглядом, тут же об увиденном забыли, продолжая думать о своем. Вот и все.

Кто этот остановившийся на несколько минут господин с кудрями и бакенбардами? Откуда он? Куда и зачем едет? Какие мысли увез отсюда, лениво посмотрев по сторонам? О чем разговаривал, остановив на минуту прохожего? Что купил, выйдя со свертком из первой попавшейся лавки? Наконец, как и чем отзовется во времени эта обычная дорожная остановка?

Никто сейчас этого не может знать. Вопросы, если и возникли, тут же исчезли.

И проживут прохожие всю оставшуюся жизнь, и их дети – тоже, и даже внуки проживут, да так и не узнают ничего, хотя были совсем рядом и даже видели его. И еще много времени пройдет, прежде чем в этом городке вспомнят проехавшего здесь господина с бакенбардами, с толстой тяжёлой тростью, в цилиндре, а вспомнив, узнают и то, о чем он говорил с первым встречным, и что купил, зайдя в лавку, узнают и то, чем отозвалась эта непродолжительная остановка в его жизни и в жизни всей России. И как же некоторые будут жалеть, что живут не в одно время с ним, станут завидовать тем незадачливым прохожим, коим попалась на пути кибитка с путешествующим господином. Только что́ им завидовать? Думаете, будь на их месте, мы бы о чем-то догадались, что-то заметили, узнали?..

Так что́ же произошло в Торжке и почему стал возможен здесь пушкинский ренессанс? Об этом явлении я попытаюсь сейчас расспросить Валентину Федоровну. Как там у нее: *«Между веками интервал глаз суетливый не отыщет...»* Посмотрим, посмотрим...

Валентина Федоровна очень тепло встретила меня, усадила на диван, поставила на плиту чайник и пообещала, что угостит еще и пирогом. Спустя несколько минут она уже отвечала на мои вопросы.

– Вот утверждают: «Пушкин – это наша вечность!», или: «Без Пушкина непредставима жизнь!»... А ведь жили без него десятилетиями... Бывали всплески. В 1937 году, например. Политический, конъюнктурный юбилей. Провозглашали: «Пушкин и свобода!», «Пушкин – патриот!», «Пушкин и воля!»... И боже упаси сказать, что Пушкин – страдалец. Прошел 1937-й с этой громкой неправдой, записанной и зафиксированной в учебниках, будто Пушкин сам по себе всем понятен. А он – не понятен...

– Но, Валентина Федоровна, здесь, в Торжке, в чем выразалось его присутствие? Вот он проехал один раз, проехал другой, третий, с кем-то встречался, с кем-то беседовал... Потом надолго все затихло.

– Я пытаюсь вспомнить, но в школе нам ничего или почти ничего не говорили о том, что он здесь когда-то проезжал. Не было

Пушкина здесь и все. Он «был» где-то в архивах, может, в подвале, в библиотеке, а нам был «спущен» тот самый Пушкин, про которого писали на рубеже прошлого и нынешнего веков. Больше никто ничего нового о пребывании поэта на тверской земле не писал и не говорил. Откуда же о нем могло знать наше поколение? Пушкин где-то там, вдалеке, в Михайловском, в Болдине, в Петербурге, в Москве, но только не здесь... И я не могу сейчас точно ответить, почему в конце 60-х годов возродился интерес к Пушкину в нашем тверском крае. Возможно, причина, которая на поверхности, – это появление в то время московского музея Пушкина. А так как мы, слава Богу, с Москвой по соседству, то очень внимательно за этим наблюдали, и не успел музей открыться, как мы уже были там...

– Но все же какие-то носители «тверской памяти» о Пушкине были? – пытался я докопаться до предыстории.

– Да, конечно. Они сделали много хорошего и доброго, но вместе с тем и работы нам задали много. Написанного, напечатанного и невероятно искаженного было очень много. И это все размножили в летучих газетных публикациях или в небольших книжечках. Где? Что? Когда? У кого? Все перепуталось. Ведь если говорить о тверской земле, надо постараться ответить на вопрос: зачем Пушкин сюда столько раз приезжал? Мы догадывались, что он не всех Вульфов любил. Но тогда что его гнало сюда?..

– Так зачем же он сюда бежал?

– У Пушкина была в это время такая трагедия и такое отчаянное одиночество, что он готов был из Петербурга бежать куда угодно... А позвали-то, прежде всего, сюда. Прасковья Александровна Осипова-Вульф была очень близкая и любящая душа. Она по-матерински любила его. Помните, 1825 год?

*Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.*

Это посвящено ей... Пушкин знал, что эта любовь сохранит его, защитит, поддержит, согреет... и ничего не спросит. Такую любовь найти непросто, и страшно потерять. И для того, чтобы не лишиться этой сочувствующей души, Пушкин бросается сюда, в Малинники, за семьсот верст по бездорожью. К счастью для нас, это оказалась тверская земля.

– Как же происходит все-таки реанимация Пушкина в выветренном сознании? – не унимался я, хотя очевидно, что Валентина Федоровна именно это и пыталась объяснить.

– Она, если уж говорить таким языком, шла с двух сторон. С

одной – мы, «низы», стали говорить, писать, ездить, доказывать, создавать какие-то комиссии, стучаться во все двери. И эти двери стали кое-где приоткрываться, поначалу совсем немного. На нас, конечно, смотрели как на чудаков, но вместе с тем невольно

прислушивались: чего это они там такое говорят?

– Сколько же было вас, таких чудаков?

– Человек десять, а может меньше, и я среди них была самая молодая. На меня вообще смотрели как на некое приложение к маститым старикам. Так вот: оказалось, нужно писать! Не говорить, а именно писать. И не казенные прошения или заявления «наверх», а о

самом Пушкине. Вот для этого надо было что-то найти самой. Тогда я перевернула всю литературу, которая только была доступна, и поразилась... Это было в конце 60-х годов.

– А пушкинские праздники?

– Праздники появились позже. Сначала были публикации. Я написала книжку, но её постигла трагедия... Впрочем, – вдруг задумалась Валентина Федоровна, – это, может, и к счастью, иначе бы эту наивность выпустила в свет. Рукопись мою попросту украли. Это старая история... Так вот без заинтересованности областного и городского начальства мы бы сами, конечно, ничего сделать не смогли. Но нам большого труда стоило убедить их, что это надо делать. Пошло «снизу», потом поднялось «наверх», и там, неожиданно, мы нашли понимание. Музей в Бернове сделали за год. Конечно, душой всего стал московский музей. Работали экспозиционеры, Светлана Овчинникова – научный сотрудник музея, художник Юрий Керцелли, который принимал участие в создании московского музея. То, что для нас было новинкой и открытием, для них было делом привычным, и поэтому музей сделали быстро. Потом присмотрелись и поняли, что снят лишь поверхностный слой, а сугубо тверского материала, который оправдал бы наши усилия по созданию музея, явно не хватало. Надо было его где-то искать. Начались поиски, поездки. Сотрудники областного музея исколесили всю страну. Были и у частных собирателей, и у потомков Вульфов, и у потомков Полторацких...

– И что же? – осторожно поторопил я Валентину Федоровну.

– Оказалось, что вещи живут, что они не исчезли: у кого-то сохранились книги, у кого-то стол, кто-то принес личные дневники, а в них – бесценные записи. Оказалось, что род Вульфов очень разнообразен и талантлив, что там и художники, и музыканты, и инженеры, и у каждого из них сохранилась крупица памяти о Малинниках, о Бернове, о Пáвловском. Пошли пожертвования. Люди не продавали вещи музею, а дарили, сами привозили, и постепенно музей обрастал экспонатами. Но если бы мы не начали «снизу» этот поход по тропе к Пушкину, то вещи просто могли погибнуть и

потерять свою духовную ценность. Когда создали музей в Бернове, стало ясно, что надо создавать музей и в Торжке. Но ясно было не всем. Ведь если в Бернове, Малинниках и Павловском Пушкин писал и там была творческая мастерская поэта, то что же можно было найти в Торжке? Нам сказали: «Ерунда! Ничего здесь быть не может. Здесь есть только одно: «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке...»

Тогда я поняла, что надо обратиться к письмам Пушкина. Я стала их читать, попыталась их прочувствовать, прожить и увидела, что буквально за каждой строкой стоит человек. Возникли вопросы: а кто он? почему его выбрал Пушкин? в чем тут дело? он сам пишет из Тверской губернии или ему пишут?.. Я набрала таких писем девятнадцать, и это оказалась целая история. В этих письмах половина пушкинской жизни, ведь Пушкин был связан с тверским краем начиная с 1826 года до последнего дня своей жизни. Вульфы, Осиповы-Вульфы, Полторацкие, Львовы, Оленины – целый букет имен.

Торжок, в виде маленького островка, существовал и в столице, потому что представители всех этих фамилий были знакомыми Пушкина по Петербургу. И когда поэт у них бывал, он видел, что приезжают родственники из Тверской губернии, пишут письма, разговаривают накоротке обо всем. Пушкин становится своим в доме Олениных, Полторацких, в доме Вульфов. Он уже знает массу всего о тверском крае, еще не приехав сюда...

Валентина Федоровна взяла паузу, задумалась и продолжила:

– Знаете, когда я работала над книгами, всякий раз возникала мысль: вот мы ищем что-то в архивах, далеко-далеко от нас, а ведь дома у каждого – архив. Например, мой прапрадед. Он, конечно же, знал Пожарского. Я была в этом уверена. И вот нашли этому подтверждение. Дарья Евдокимовна Пожарская, скончавшись, осталась должна моему прапрадеду. Он был колесник и занимался ремонтом карет и экипажей. Мастерил сани, дровни. Это был семейный промысел. И вот – фамилия мелькнула. Какой-то узелочек оказался завязанным между тем, что было, и между тем, что есть. И, развязывая такие узелки, мы обнаруживаем, что дома у каждого из нас есть архив. Вот висит вещь на стене, мы не обращаем на нее внимания, а потом оказывается, что она о многом может рассказать...

С этими словами Валентина Федоровна вышла на кухню, где уже вовсю кипел чайник, а я с чувством горькой потери вспомнил дом своего счастливого детства...

В том доме у меня было всё: бабушка, дедушка и еще моя тетья, которые, так сложилось, воспитывали меня и любили до беспамятства; нехитрая мебель разных эпох и стилей – все эти диваны, кровати, шкафы, сервант, этажерка, стулья, столы, которые были мне не просто знакомы, но дороги, также как и чашки, тарелки, вилки, ложки да еще какие-то вазочки, сахарницы, графины, рюмки; стол в большой комнате был накрыт бордовой с желтыми узорами бархатной скатертью; здесь же, на столе поменьше, стояло небольшое зеркало-трельяж, а рядом с ним – шкатулки, в которых годами и даже десятилетиями хранились пуговицы, булавки, иголки, нитки, какие-то лоскутки и еще бог знает что, а на самом зеркале мне была знакома каждая трещинка, каждая царапина; за этим же зеркалом хранились толстые альбомы с фотографиями, которые в десятый, в сотый раз с интересом и радостью просматривались пришедшими в гости родственниками; рядом с альбомами находилась картонная коробочка, куда в течение многих лет складывались поздравительные открытки и телеграммы, и тут же стояла еще одна коробочка, с различными лекарствами, срок годности которых истек еще при царе Горохе, но

они все же хранились (вообще, ничего не выбрасывалось!); а как не вспомнить телевизор «Неман», не работавший уже лет десять, но все равно стоявший на почетном месте, накрытый крахмаленной салфеткой, «чтобы от пыли и солнечного света не испортился экран»?!; помню огромные тёмно-зелёные фикусы, которые исправно поливали и каждый лист на которых тщательно протирали во время уборки; на стенах висели несколько картин в золоченых рамках, и одна из них была прострелена, как мне рассказывали, шальной фашистской пулей – страшная память об оккупации; кроме картин на стенах висели семейные фотографии родных и близких людей, а еще – «отрывной» календарь, листки которого аккуратно отрывались бабушкой в конце каждого дня и прочитывались им вслух полностью, включая время восхода и захода солнца; сам «отрывной» календарь прикреплялся к картонке с портретом А.С.Пушкина работы Тропинина, причем менялись из года в год только календари, а картонка с портретом Пушкина оставалась, и заменить ее на что-то другое было делом непредставимым; на стенах в моей спальне, вместо ковров, были развешаны самотканые покрывала с незатейливым орнаментом да еще вышитый мамой небольшой коврик с моим изображением; рядом с моей кроватью стоял большой тяжеленный сундук, в котором хранились редко доставаемые и пахнущие нафталином вещи, и там же, на самом дне, в обыкновенном почтовом конверте хранились мои самые первые остриженные волосы, а еще – алюминиевый крестик, врученный бабушке при моем крещении; помню умывальник и рядом ведра, наполненные водой, а над ним – большое зеркало, отколотое в верхнем правом углу; вспоминаю кухонный стол, в котором хранились разные крупы и мука; а как не вспомнить елочные игрушки, которые вытаскивали из-под дивана ближе к Новому Году?.. А сама встреча Нового Года?.. И еще – запахи! Но что сказать о них? Как выразить то, что, быть может, и вовсе невозможно описать? Может, это запах корицы, гвоздики и ванили, хранившихся в одном из ящиков в старом серванте; или запах вишневой настойки из огромной бутылки, стоявшей под столом; или это легкий освежающий запах от больших

связок лука и чеснока, всегда висевших на кухне; а может, это запах жаренного сала – знаменитых украинских шкварок, которых я не выносил и за которые теперь многое бы отдал; или это запах «тройного» одеколona, которым дедушка после тщательного бритья обливал лицо, голову, шею и даже затылок с характерной горизонтальной морщинкой, как у запорожских казаков... А кроме запахов еще были звуки: голоса родных, едва слышный шорох шагов прихрамывающей бабушки, бесконечное пение моей тети во время уборки квартиры, ироничные высказывания деда о политике, треск поленьев в печке, скрип дверей, звон посуды, тиканье часов, несмолкаемое радио... А еще надо вспомнить веселых гостей – родственников и друзей, собиравшихся по праздникам и на дни рождения. Они пели песни, шутили, веселились, танцевали, пили горилку, которую исправно поставляла какая-то баба из недалекого села, и дедушка вполне серьезно утверждал, что она же снабжает этой горилкой членов Политбюро... А как не вспомнить двор, огород, яблони и вишни, кусты сирени, столетнюю акацию возле самого дома? А все эти куры, утки, кролики, собака Шарик, коты и кошки, которых уже и не вспомнить, как звали? А еще друзья детства, их родители, соседи, небольшая речка Соб, луг, трава, пасущиеся кони, коровы и многое другое, что окружало меня ежедневно, ежечасно и, кажется, было со мной постоянно...

Где это все? Куда подевалось? Почему исчезло?..

Дорогие, самые близкие люди – уже давно в сырой земле; из вещей ничего не сохранилось; фотографий почти не осталось, нет и картин, давно выветрились запахи, не слышны знакомые звуки... Остались, наверное, лишь безмолвные стены да двери, которые не часто меняют... Как же страшно туда вернуться и убедиться воочию, что всего этого действительно нет! Как больно подойти к дому своего детства и увидеть в знакомом окне не для тебя зажженный свет, заметить мелькнувшую чужую тень, а, набравшись смелости и постучавшись в дверь, как невыносимо услышать холодное и постороннее: «Ну, чего тебе?»...

*Два чувства дивно близки к нам,
В них сердце обретает пищу;
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Ох как знали, как хорошо знали наши начальники, чего нас надо лишить! «Средств производства»? – Да. «Продуктов нашего труда»? – Конечно. «Оградить от остального мира»? – Обязательно. Но еще им было важнее – лишить нас своего гнезда, этого самого родного пепелища и тем уничтожить нашу память, омертвить сердце, сделать нас неспособными к любви. Тогда уже ничего за душой не останется. Ничего... кроме страха перед этим самым начальством.

Тем временем, похлопотав на кухне, вернулась Валентина Федоровна. Она налила чай и принесла пирог.

– Конечно, если не обрывается связь времен, если дом сохранился, то и вещь может сохраниться, – продолжил я начатую Валентиной Федоровной тему.

– К счастью, многое сохранилось. Хоть и война была, и бомбежки, но все же фронта здесь не было. В двадцати пяти верстах от Торжка фашистов задержали. Старый Торжок остался. Неудивительно, что нашлись даже афиши старого театра, которым было сто лет и более. И вот в этих афишах присутствует имя Пушкина. Значит, здесь в Торжке играли Пушкина, жил театр. И я уверена, что музеи, которые у нас созданы, – это не точка, но лишь начало большой работы.

– И вот материалы, документы, экспонаты музея собраны, и уже они сами работают, начинаются собрания, встречи, конференции, наконец, торжества по случаю дня рождения поэта. Воздух Торжка постепенно наполняется Пушкиным, сюда приезжают известные поэты и писатели, к пушкинской поэзии приобщаются все новые и новые люди... Так? – подытожил я первую часть рассказа Валентины Федоровны.

– Да, конечно. В музеи специально приезжают люди, интересующиеся Пушкиным, и просто мимолетные туристы. У нас был даже разработан двухдневный маршрут – «Пушкинское кольцо Верхневолжья». Начинался он в Твери, проходил через Старицу, Малинники, Берново и заканчивался в Торжке, который становился ключевым пунктом. Стали приезжать столичные поэты, художники, музыканты, артисты... У нас появилась возможность не только говорить о Пушкине, но и встречаться с представителями современной культуры и искусства, через Пушкина, в соседстве с ним, в его мире, в его ауре. На пушкинские дни, которые проходили здесь ежегодно в первую субботу июня, мы входили в мир пушкинской поэзии, и не только пушкинской.

– А разница большая между тем, как было тогда, когда вы начинали эту работу, и сейчас, когда уже двадцать восьмой раз в Торжке отмечается день рождения Пушкина?

– Разница большая... со знаком минус, – неожиданно для меня, но уверенно произнесла Валентина Федоровна.

– ???

– Немного странно?.. Когда все только начиналось и мы приступили к созданию пушкинского музея, многим казалось, что нет никакого тверского Пушкина. А когда всё разгребли, оказалось: сколько же здесь написано! Вот был восторг! Все бросились по этим местам ходить, изучать, писать, приезжали разные люди, просто туристы. Я, наверное, видела здесь весь Союз Советских писателей. Это был период с 1971 по 1975 годы. Но этот восторг постепенно исчезал, таял. Все вошло в рамки привычного ритуала, и мы, не успев оживить нашего Пушкина, снова стали его тихо умерщвлять...

– Чем же?

– Привычностью. Всякая привычность убивает. Она может убить даже любовь.

– Но что сейчас здесь с Пушкиным?

– Пушкин – это настолько всё, всё, всё про нас, что я не знаю такого второго поэта. Я люблю Лермонтова. Но в нем столько горечи и отчаяния, столько тоски... У Пушкина больше света и солнца. А неизбалованному русскому человеку всегда хочется чего-то родникового, светлого, ему хочется надежды. И, кроме того, Пушкин как-то по-доброму умен. Он многое успел за свои тридцать семь лет нам объяснить. Надо только внимательно вчитаться, вслушаться в него. Он наше Продолжение, а может быть,

даже и наше Начало...

– А не наш ли это Конец?

– Конец? – Валентина Федоровна улыбнулась. – Слишком счастливый это был бы для нас конец. Я думаю, что конец наш будет все-таки более печальный.

– Куда же печальнее того, что сейчас есть?

– Будет еще печальнее. Сейчас-то мы еще хоть что-то знаем и помним, а подрастает поколение, которое ничего не хочет знать. Ведь мы пропустили через себя этот светлый и счастливый всплеск. Оглядываемся и вспоминаем зал, в котором нет ни одного свободного места, занятый балкон, светящиеся глаза у присутствующих, помним поэтов и писателей, приезжавших из разных мест: Смелякова, Алигер, Татьяничеву, Бокова, Викулова, Жигулина, Вознесенского, Дементьева, Ларису Васильеву, Винокурова, Доризо, Бориса Полевого...

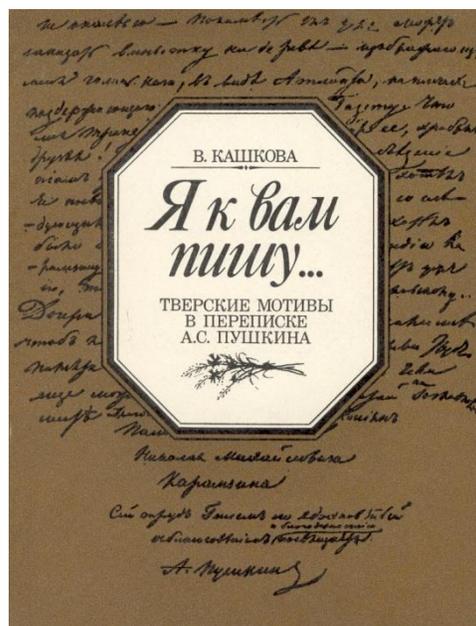
– А теперь к вам едут такие, вроде меня, из себя неизвестно что представляющие, – привел я неопровержимые доказательства деградации пушкинских празднеств.

Однако мудрая Валентина Федоровна на мое кокетство никак не прореагировала, если не считать ответом большущий кусок пирога, положенный передо мной.

– А что Александр Сергеевич любил поесть? – спросил я, принимаясь за пирог.

– Он любил простую еду: прежде всего, печеную картошку, которой его заманивала в Тригорское Прасковья Александровна Вульф, любил щи, гречневую кашу, яблочный пирог и очень любил моченые яблоки. Как-то зимой, проезжая через Торжок, он купил здесь двадцать персиков и все до одного слопал!

– Значит, в прошлом веке зимой в Торжке можно было запросто купить персики. А котлеты, интересно, любил?

– Котлеты – само собой! Кто же из русских не любит котлет! – ответила Валентина Федоровна и продолжила рассказ.

– Вот взял Пушкин постучался и пришел к нам. Как будто даже сам. Время пришло. У меня возникал вопрос: почему мы на первый Пушкинский праздник в Бернове собрались в 1970 году, когда не было никакой юбилейной даты? Первые праздники у нас были настолько изобретательные, такие... какое бы слово подобрать... долгожданные! Приходил апрель, и все только и говорили: «Скоро пушкинские праздники!» Ну какой еще праздник так ждут? Только свой день рождения, да и то... – вздохнула Валентина Федоровна, – чем старше становишься, тем ждешь меньше... Ждали пушкинский праздник и спрашивали: «Где достать пригласительный билет?» А теперь, увидите, зал будет полупустой. Мы сейчас почему-то ничего не изобретаем.

– Но что, по-вашему, надо сделать к его двухсотлетию, чтобы все вернулось и Пушкин вновь пришел сюда?

– Читать его надо. Читать и стараться понять. Конечно, на двухсотлетие все прибегут. Зал будет полный. Ведь сейчас это уже официальный праздник, вся страна встанет «под козырек». Уже такое в тридцатых годах было. Общенациональную идею ищут, а здесь как раз Пушкин...

В это время зазвонил телефон, и Валентина Федоровна, извинившись, некоторое время с кем-то беседовала.

...Все не дает покоя нашему начальству отсутствие «общенациональной идеи» в многонациональной стране! Интересно спросить у них: об идее какой нации идет речь? Не русской ли? Но тогда как «общую идею» русской нации сделать своей, скажем, для татар, украинцев или евреев? Да еще вспомним, что не только многонациональная страна у нас, но и разнорелигиозная. Здесь ведь к одному алтарю всех не подведешь. Вот и ищут наши государственники помощи у какого-нибудь сверхавторитета. Кто лучше Пушкина мог бы подойти на такую роль? А здесь как раз двухсотлетие – прекрасный повод попробовать еще раз, как в 1937-м.

Только вновь забывают наши начальники, что национальная идея и государственная идеология не всегда одно и то же, а в нашей стране эти два понятия друг от друга далеки, если не прямо противоположны, если вообще не враждебны. Пушкин, действительно, фигура, вокруг которой возможно национальное и даже межнациональное примирение. Что, между прочим, и происходит. Среди тех, кто любит и почитает поэта, нет места национальной вражде, нет и того, что называется «классовой ненавистью», нет лжи, нет насилия. Все это приходит лишь тогда, когда к поэту прикасается наше государство. Страдал от него и сам поэт, являясь, по сути, узником, мучились ближайшие его вольнолюбивые друзья, страдал всякий, кто пытался поднять голос своей совести против чиновничьего произвола и традиционного российского беззакония. Точно так же страдали и все те, кто стал последователем Пушкина, его творческим наследником. Их травили,

изгоняли, убивали во все времена, во все эпохи: и при царях, и при коммунистах...

Спустя полгода после того, как состоялась эта беседа с Валентиной Федоровной, я прочел небольшую статью Георгия Носова, в которой он приводит трагические факты из биографий прямых потомков Александра Сергеевича Пушкина и их близких:

«Правнучка Мария Павловна Воронцова-Вельяминова (1883-1932) и ее муж Евгений Ипполитович Клименко (1864-1932), чиновник, советский служащий, арестованы в 1927 году, лишены всех прав, "милостиво" сосланы в Курск, где нищенствовали.

Правнук Александр Сергеевич Мезенцев (1908-1945), студент, арестован с отцом Сергеем Петровичем Мезенцевым (1866-1945), концлагерь (1930-1932). Отец повторно арестован в 1937 году, приговор "десять лет без права переписки" (1937-1945).

Правнучка Софья Павловна Воронцова-Вельяминова (1884-1974), мать двоих детей-подростков, педагог-историк, медицинская сестра, арестована в 1931 году за "шпионаж". Ее муж Всеволод Александрович Кологривов (1881-1942), поручик, помощник военного атташе, в 1920 году передал Красному Флоту два английских корабля. Арестован: концлагерь (1920-1923), ссылка и поселение (1934-1937), тюрьма (1938-1942).

Праправнук Александр Сергеевич Данилевский (1911-1969), агроном-энтомолог, будущий выдающийся биолог, арестован в 1934 году, сослан в Казахстан. Возвращен благодаря хлопотам академика Б.Д. Грекова, пушкинистов – супругов Цявловских». («Независимая Газета», 23 декабря, 1997 г.)

О том, как наше государство расправлялось с мыслящими людьми при царях, хорошо, много и чаще всего правдиво рассказывали коммунисты. О том, как вели себя сами коммунисты, убедительно свидетельствуют демократы. О том, каково живется при них, – тоже потом кто-нибудь расскажет...

Пока же мы возвращаемся в Торжок, в уютную квартиру Валентины Федоровны, которая уже закончила телефонный разговор.

– Я все больше чувствую, что в Пушкине – огромный потенциал нашего национального примирения, – продолжил я развивать тему «общенациональной идеи». – Мне кажется, что именно он – ключевая фигура нашей истории. В России так много было злых гениев, а Пушкин – гений добрый. Что же делать, чтобы к нему обратились?

– Что делать, что делать? – едва не рассердилась на меня Валентина Федоровна. – Надо научиться читать! Научимся читать – станем понимать. И главное – дети. Если они не будут знать Пушкина – они себя забудут... Вот были такие удивительные старики – Цявловский, Жермунский, Томашевский, Сокольский. В самые трудные годы, когда была разруха, голод, гражданская война и, кроме воблы, ничего не было, – они собирались то у одного, то у другого на чай, заваренный морковкой, читали Пушкина и комментировали, на все лады... Вообще, ни один мыслящий человек мимо Пушкина пройти не сможет. Даже если захочет. Он притягивает. Если есть какие-то пустоты в нашем сознании, Пушкин невольно начинает их заполнять.

– Президент наш тоже мимо Пушкина не прошел. Написал о том, что Пушкин, мол, «любил нас, нынешних...» – что-то в этом роде.

– Он не любил нас. Он просто догадывался, что не может человечество настолько оскудеть, что потеряет интерес к тому, что запечатлено в Слове. Спросите у своего сына, что он знает о Пушкине?

– Боюсь даже спрашивать.

– То-то же!

– А вот этого запала вам хватит? Сейчас уже все согласились с тем, что был «тверской Пушкин». Но все это не может ли вновь замереть, угаснуть? Не может ли Пушкин вновь «выветриться» из тверской земли или, точнее, из головы тех, кто здесь живет? Ведь все держится на таких, как вы. Пока вы есть, все вроде поддерживается.

– Может быть, сравнение мое будет не совсем доказательным... Когда мы ставим пластинку на проигрыватель, то можем прибавить или совсем убавить звук, так что ничего не будет слышно. Но ведь пластинка крутится, и музыка продолжается, живет, льется. Нам только не надо выключать звук. Может, не стоит кричать каждый день «Пушкин! Пушкин!». Может, лучше его спокойно читать и думать над прочитанным? Может, и не каждый день читать, и не каждый час думать. Мы же не роботы. В нашу жизнь каждый день приходит что-нибудь новое, иное. Пушкину было бы страшно представить, что у нас, его потомков, есть лишь только он. У нас есть целый мир, тот самый, в котором Пушкин жил. Посмотрите на его библиотеку, на книги, которые он успел прочесть. Вот и нам надо успеть. Иначе мы и его не поймем. Это невозможно объяснить: «Изучать Пушкина», «Работать над Пушкиным» – я этого не понимаю... Приходит время к нему обратиться, когда без него нельзя,

и тогда ты не «работаешь над его произведениями», а наслаждаешься ими или задаешь себе бесчисленные вопросы.

– Вообще, то, что вы делаете, – это частное дело Твери, Торжка или это имеет какое-то значение, скажем, для Сахалина, Калининграда, Екатеринбурга или Тобольска? Имеет ли значение «тверской Пушкин» для остальной России?

– Я не знаю, что это дает Тобольску, но сам Тобольск мне интересен тем, что там жил и творил Ершов, что он там похоронен. И если я не буду знать Ершова тобольского, то не узнаю Ершова русского. Очевидно, и для тамошних жителей так же. Здесь есть такое счастливое обстоятельство, как дорога из Петербурга в Москву, проходящая через Торжок. Известно, что Пушкин проезжал по этой дороге более тридцати раз. Но ведь дорога – это жизнь, люди... Как же понять жизнь Пушкина, если не поймешь этот отрезок Пути, с большой буквы, который он «проживал»? Что он здесь видел? Что чувствовал?.. Есть Псков, Новгород, есть Вышний Волочек, Тверь... и всюду что-то обласкано его взором, его мыслью. И везде жили люди, которые по-разному испытывали притяжение и к его дороге, и к тому, кто по ней ездит. Тверской губернии повезло. Пять раз Пушкин специально приезжал сюда. Подумать только! Значит, эта земля ему небезразлична. Как же это может быть неинтересно России, если это жизнь Пушкина?..

Поблагодарив Валентину Федоровну за рассказ и угощение, я договорился с нею о встрече на следующий день на Троицких гуляниях. Попрощавшись, вышел из подъезда, сел в машину и, не спеша, поехал по вечернему Торжку, по самой длинной улице, носящей имя Феликса Дзержинского, в сторону Митина. На улице было довольно много народу, особенно молодежи. Завтра суббота – нерабочий день.

...Вспомнились слова Валентины Федоровны о том, что Тверской губернии повезло: «пять раз Пушкин специально приезжал сюда»! Еще бы! Приезжал, жил, слушал, разговаривал... И в этом пребывании и во встречах здесь, между прочим, во многом было сформировано его представление о женщине. Что тут скажешь? Повезло тверским женщинам: они были обласканы «взором поэта». Да и не только взором... Но ведь и самому Пушкину тоже повезло, что именно тверские женщины оказались на его пути. Ведь все эти рассказы Валентины Федоровны о том, что «пришло время», «постучался Пушкин», «настал час» и тому подобное, – лишь лирическое оформление ее собственных ощущений. На самом деле тверской пушкинский ренессанс произошел именно и только благодаря самой Валентине Федоровне Кашковой и таким, как она. Все это стало возможным, благодаря какой-то необъяснимой, до конца не разгаданной любви женщин к Пушкину. Об этой любви как будто пишут много, но все никак ее не разгадают. Что-то между Пушкиным и женщинами существует такое, чего нет и не может

быть, например, между Пушкиным и мною. У нас, мужчин, к Пушкину уважение, почтение, понимание, восхищение, у некоторых обожествление... Кажется, много, на самом деле – не более того. Потому, что только у русских женщин к нему – любовь. А это гораздо значительнее всего прочего. Поэт жил, писал, творил... Прошло без малого два века, а они его по-прежнему любят. И вот одна из них, тверская девушка, которая вполне могла стать героиней Пушкина, той же Татьяной Лариной, живи она в его время, любит поэта, посвящает ему часть души, сердца, жизни, изучает, что-то ищет в архивах, находит и приносит это другим, охраняя поэта от неправды и пошлости, пишет десятки, сотни статей, затем одну книгу, другую, третью... десятую, проводит встречи, выступает перед самыми разными людьми, вместе с такими же подвижниками, как сама, организует музей, но главное – на протяжении четырех десятилетий преподает русскую литературу и русский язык молодым людям, будущим учителям со всего тверского края! Представляете?! Идут годы, светловолосая тверская девушка с немного раскосыми глазами и негромким голосом становится зрелой, мудрой женщиной, опытным педагогом, заслуженным учителем России и даже почетным жителем Торжка. А любовь к Пушкину не угасает, и верность ему сохраняется...

Кем же надо быть, чтобы так тебе верили?! Что совершить, чтобы и спустя два века тобою увлекались, читали, да что читали – чтобы тебя так чувствовали и так в тебе нуждались?! Как нужно было прожить и как надо было вжиться в свою страну, в людей, чтобы так их с собою связать?! Наконец, как надо было их любить, чтобы через поколения тебе отвечали взаимностью и чтобы такая женщина, как Валентина Федоровна Кашкова, всю жизнь верой и правдой служила тебе?!.

Пушкиным надо быть! И написать «Евгения Онегина» да к нему еще небольшой стишок вроде «Я помню чудное мгновенье...». Этого достаточно.

С этими мыслями я вернулся в санаторий «Митино», где нашел своего Режиссера. Он уже изрядно устал. Целый день бродил по окрестностям Митина, по берегам Тверцы, был в Прутне и даже разговаривал с местными жителями. По его словам, он не скучал.

Мы вышли на балкон. Вид перед нами открылся божественный: закат, Тверца, зеленый лес... У меня из головы все не выходил разговор с Валентиной Федоровной, а Режиссер, как будто почувствовав мое настроение, медленно и задумчиво прочел:

*Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жуужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий...*

– Вот ведь, – серьезно произнес я, – действительно гений! Ничтожного жука и то без внимания не оставил. Иной поэт побрезговал бы насекомым, а этот...

– Болтун вы, – сказал, улыбаясь, Режиссер.
Мы рассмеялись и разошлись по номерам.

